

A stylized, high-contrast illustration of a city street scene. The background is a grayscale sketch of a street with buildings, a person walking, and a church spire. A large, bright yellow circle is centered over the image, containing the author's name and the title.

Игонин А. Л.

**МОСКВА И
МОСКВИЧИ,
ПРЕТЕНДУЮЩИЕ
НА ВЛАСТЬ**

Обыденная психология
и социальная ориентация

Андрей Игонин

**Москва и москвичи,
претендующие на власть.
Обыденная психология и
социальная ориентация**

ИД «Флюид ФриФлай»

1997

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Игонин А. Л.

Москва и москвичи, претендующие на власть. Обыденная психология и социальная ориентация / А. Л. Игонин — ИД «Флюид ФриФлай», 1997

ISBN 978-5-906827-73-9

Книга А. Л. Игоина переносит нас в период от начала 70-х до начала 90-х годов. Ее можно отнести как к научно-популярному жанру, так и к публицистике. По мнению автора, разобщенность между разными категориями населения, групповой эгоизм, стремление того или иного социального сообщества улучшить свое положение за счет других групп населения оказывают глубокое отрицательное влияние на ситуацию в стране, и сегодня мы можем выбирать не между тоталитаризмом и демократией (между плохим социализмом и хорошим капитализмом), а между плохим социализмом и еще худшим, диким капитализмом. Знакомство с данной книгой позволяет лучше понять корни событий в жизни нашего общества, произошедших в 90-е и последующие годы.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-73-9

© Игонин А. Л., 1997
© ИД «Флюид ФриФлай», 1997

Содержание

От автора	6
Введение	7
Глава I	9
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А.Л. Игонин
Москва и москвичи, претендующие
на власть (обыденная психология
и социальная ориентация)

© Игонин А. Л., 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

От автора

Книга была написана в 1997 году, то есть больше 20 лет назад. К сожалению, в то время опубликовать ее не удалось – содержание категорически не понравилось рецензентам ни из лагеря патриотов, ни из лагеря так называемых демократов (либералов). К тому же книга необычна по своему формату. Она может быть отнесена как к научно-популярному жанру, так и к публицистике. Но для лучшей реализации замысла автора данный формат оказался наиболее подходящим. Новая попытка издать нестандартную и, на первый взгляд, устаревшую книгу связана со следующим обстоятельством. Если в то время содержащаяся в ней оценка многих социальных явлений, которые происходили в нашей стране, казалась спорной и была не очень понятна читателю, то сейчас высказанные в ней соображения стали для большинства людей значительно более очевидными. Но, исходя из рассуждений, может быть, слишком самонадеянных, знакомство с данной книгой позволяет лучше понять корни событий в жизни нашего общества, произошедших в 90-е и последующие годы. Поэтому я сделал еще одну попытку ее издания.

Введение

Содержание книги переносит нас в период от начала 70-х до начала 90-х годов. В то время в Москве (и не только в Москве) особенно четко выделялись три вида субкультур¹. Если для их обозначения использовать названия станций метро, вблизи которых представители данных субкультур концентрировались, то можно назвать эти субкультуры арбатской, кунцевской и пролетарской.

Характеризуя первую из данных субкультур, *арбатскую*, следует отметить, что название «Арбат» ассоциируется у нас как со станцией метро в центре города, так и со знаменитой улицей, куда устремляются приезжие. Но для коренных москвичей это слово означает нечто большее, чем название станции метро или улицы. Как отметил знаток старой Москвы С. Шмидт (сын знаменитого в 30-х годах академика О. Шмидта), под термином «Арбат» надо понимать не просто место в городе, а «социокультурную общность». Это общность людей, проживающих на улицах и в переулках в районе Арбата, а также в любом другом месте в пределах Садового кольца, объединенных родственными и дружескими связями, общими умонастроениями, интересами, увлечениями, симпатиями, антипатиями, поветриями моды и бытовыми привычками.

Вторая субкультура, *кунцевская*, названа так потому, что станция метро «Кунцевская» ассоциируется с местом обитания номенклатурных работников высокого ранга (партийных функционеров, высокопоставленных чиновников, крупных хозяйственников, генералов, академиков, председателей правлений творческих союзов и т. п.). Комплекс элитных домов около станции метро «Кунцевская» получил поэтому среди москвичей ироническое название «Царское село».

У проживающих в Кунцево, и не только в этом микрорайоне, номенклатурных работников имелись характерные черты, которые выделяли их среди других москвичей и позволяли считать представителями одной субкультуры². В отличие от людей с Арбата, многие из представителей кунцевской субкультуры были выходцами с периферии. Система партийной работы с кадрами предусматривала перемещение людей из Москвы в провинцию и наоборот.

Наконец, третья московская субкультура – *пролетарская* – может быть названа таким образом как по преимущественному простонародно-рабочему происхождению и положению, так и по названию одной из станций метро, расположенной на востоке столицы. Именно в этих районах города сосредоточены промышленные предприятия и, соответственно, живут работающие на них люди.

Среди пролетариев было много провинциалов, приехавших в Москву «по лимиту». Как известно, в течение многих лет отцы города старались из идеологических соображений поддерживать в Москве достаточно большое число представителей рабочего класса. Без пополнения людьми с периферии эта часть населения столицы быстро таяла, так как многие ее представители выбивались из рабочих в другие, более престижные группы. Тем не менее, значительная часть оставалась работать на предприятиях или, во всяком случае, жить в прилежащих к ним районах города. К людям пролетарского типа относились не только приезжие, но и коренные

¹ В соответствии с определением, содержащимся, например, в учебнике по социологии Н. Смелзера, субкультура – это часть какой-либо культуры (в данном случае советской). Представители определенной субкультуры придерживаются одних и тех же ценностных ориентаций и традиций, что обусловлено принадлежностью к одному социальному классу, одной исповедуемой религии, одному этническому происхождению, одному месту проживания и другими объединяющими этих людей характеристиками.

² М. Джилас, М. Восленский и многие другие критики советской власти считали даже, что слой партийной номенклатуры при социализме в нашей стране – это не только носитель особой субкультуры, но и самостоятельный общественный класс. Эксплуататорский, конечно.

москвичи, в силу каких-то причин не способные или не желающие переходить в иные социальные группы.

Глава I

Общая характеристика представителей московских субкультур

Оценивая *внешность и манеру поведения представителей московских субкультур*, необходимо отметить, что между представителями арбатской, кунцевской и пролетарской субкультур всегда были заметные различия. При этом симпатии населения, в особенности интеллигенции (если говорить, допустим, о 80-х годах), были, уж точно, не на стороне той субкультуры, которую представляла начальственная номенклатура. Давайте вспомним кинофильмы и художественные произведения того времени. Несмотря на героические усилия заказной и «секретарской» художественной литературы и кинематографии, подкрепленные талантом М. Ульянова, Е. Матвеева, В. Самойлова, П. Вельяминова, положительный образ секретаря обкома не встречал особого отклика в сердце простого человека. Люди не верили в демократичность и честность номенклатурного персонажа.

Все знали, что человек из Кунцево – это не тот, что на экране, а тот, что проезжает мимо вас в черной «Волге» с надменно-каменным лицом азиатского божка в шляпе или норковой шапке. Многие испытали на себе стиль отношения представителей номенклатуры к подчиненным, который характеризовался холодно-формальной манерой, а иногда и откровенным хамством. Другой стороной медали является, естественно, подобострастие и холуйство, проявляемые этими людьми во взаимоотношениях с собственным начальством.

На таком фоне представители арбатской субкультуры («дети Арбата», если следовать названию известной книги А. Рыбакова), персонифицированные в кинематографических образах О. Янковского, И. Смоктуновского, А. Збруева, О. Даля, О. Басилашвили, А. Лазарева, И. Костоловского и других, гораздо больше радовали глаз неискушенного зрителя. Человек арбатского типа был нарочито дегероизированным, полностью лишенным напыщенности, патетики. Из-за прессинга тоталитарной системы он немного согнулся, но не потерял ценных человеческих качеств, оставаясь простым и демократичным.

Обожающие героя фильма юные коллеги (например, младшие научные сотрудники, хирургические ассистенты, члены команды горноспасателей) обращаются к нему на «ты» и называют «стариком» или «старичком». Власти не любят и побаиваются его, но уважают за знания и профессионализм. Они используют человека с Арбата как палочку-выручалочку при катастрофах и стихийных бедствиях. Иногда власти «бросали кусок» герою фильма, и он брал его, презрительно морщась. Это давало возможность человеку с Арбата приобрести, например, собственный автомобиль и увезти на нем, к восторгу зрителей, любимую женщину от соперника.

Зрители не забывали отметить, насколько функциональна и модна одежда героя фильма, как естественно и элегантно он ее носит. В 70–80-х годах его одежда обычно состояла из водолазки, кожаного или замшевого пиджака, модного шарфа, повязанного с рассчитанной небрежностью. Знающий человек мог даже зафиксировать наличие на ногах героя удобных и практичных туфель, например, фирмы «Саламандра». Куда там артисту, играющему секретаря обкома, с его похожим на мундир сине-серым костюмом, хотя бы и пошитым в лучшей кремлевской мастерской, а также галстуком темных тонов!

Если говорить о представителях пролетарской субкультуры, то их внешний облик на примере персонажей кинофильмов начала 80-х годов уже продемонстрировать, к сожалению, трудно. Отошли в прошлое кинокартины довоенные и первых послевоенных годов, в которых на переднем плане были героини Н. Крючкова, Б. Чиркова, П. Алейникова, Б. Андреева. Далее кинематографисты начали из-за ослабления идеологического пресса пренебрегать обязанно-

стями показа рабочего человека – положительного героя своего времени. Можно сослаться лишь на некоторых героев Н. Рыбникова, О. Ефремова или А. Баталова, застрявших на полпути между рабочим и интеллигентом. Тем не менее, какие-то общие внешние черты московского пролетария начала 80-х годов все же имеются. Эти люди одевались проще, чем «дети Арбата» или «кунцевская элита». Как и у их собратьев из провинции, особенности внешнего поведения нередко включали в себя привычки, характерные для обитателей мест лишения свободы. К ним относятся, например, запахивание куртки-«клифта», нарочитая сутулость, пританцовывание, сплевывание сквозь зубы, поза отдыха на корточках, прислонившись к стене, или другие стилизованные движения и поступки. Нередко в их поведении отражались обычаи военного быта, казармы с их культом мужественности и нарочитой агрессивности, а также словечки и жесты, демонстрировавшие любовное отношение к алкоголю.

Московские люди пролетарского типа, однако, всегда отличались от своих провинциальных собратьев определенным столичным лоском, следованием моде, хотя это и скрывалось обычно под маской напускного пренебрежения к своему внешнему виду. Вообще многие особенности поведения московских пролетариев характеризовались демонстративностью, эпатажем, нарочитым цинизмом. Под такой манерой были, как правило, спрятаны их комплексы, сформировавшиеся в результате болезненного жизненного опыта, который они получали, не сумев «выбиться в люди».

Переходя к оценке *происхождения и предпочитаемых мест жительства представителей московских субкультур*, можно начать с того факта, что арбатская субкультура – наиболее традиционная и укоренившаяся в Москве³. Сталинско-брежневская машина отбора номенклатурных кадров была основана на постоянной отбраковке старых кадров и замене их новыми – как правило, выходцами с периферии, не очень образованными и культурными. Не случайно существовавшую систему власти называют охлократической. Как только номенклатурщик обосновывался в Москве, «поднабирался грамотешки», так его тут же отстраняли от должности (в лучшем случае). Тем более не нужны были охлократической власти потомки бывших начальников – слишком сообразительные и знающие себе цену. В отдельных случаях они оказывались все-таки достаточно гибкими и пластичными, чтобы снова приблизиться к власти.

Как раз вот такие династии и составляют, видимо, костяк представителей арбатской субкультуры. Вначале ряды людей арбатского типа пополнялись за счет потомков так называемой ленинской гвардии, потом – сталинской гвардии и наконец хрущевско-брежневской волны людей с юго-запада страны.

Далее кадровая машина начала давать сбои, и какие-либо четкие закономерности проследить уже трудно.

Люди с Арбата всегда чувствовали себя изгнанными из рая, хранили в генах информацию о тех сладостных годах, когда их предки обладали бесконтрольной властью. С другой стороны, они ненавидели людей, которые сейчас были у власти. Поэтому у человека арбатского типа огромный, подчас болезненный, интерес к власти всегда сочетался с фрондирующей позицией по отношению к реальным властителям (романы Ю. Трифонова или А. Рыбакова, песни Б. Окуджавы).

Традиционным московским династиям всегда удавалось, тем не менее, сохранять за собой несение функций по интеллектуальному и идеологическому обслуживанию власти.

Они являлись носителями наиболее ценных сведений, циркулирующих в информационной кровеносной системе советской власти. Между представителями кунцевской и арбатской субкультур обычно складывались такие отношения, при которых они нуждались друг в

³ Под коренными москвичами обычно понимают людей, родившихся в столице. В Обществе коренных москвичей (есть и такое) отношение к понятию «коренной житель» более строгое. В члены Общества принимают только тех жителей Москвы, у которых здесь родилось и прожило не менее двух поколений предков.

друге. Люди арбатского типа обладали достаточным интеллектуальным и духовным потенциалом, чтобы оказывать на общество большое влияние, но не могли этот потенциал реализовать, так как не имели прямого доступа к власти.

Люди из Кунцево, наоборот, обладали властью, но из-за недостаточной образованности и культуры не могли сами квалифицированно и компетентно эти властные полномочия реализовывать.

Прохождение предков через властные структуры являлось, естественно, не единственным каналом пополнения представителей арбатской субкультуры. В благоприятные периоды этот слой разрастался сам по себе, «размножаясь делением» или увеличиваясь за счет приезда родственников им по происхождению и духовному облику людей с периферии. Арбатская среда вовлекала в себя даже тех, кого вначале вообще нельзя было четко идентифицировать с точки зрения принадлежности к какой-либо субкультуре, постепенно преобразовывая их взгляды и привычки таким образом, что они сливались с данной средой.

Одно время, когда после романов А. Рыбакова отмечался всплеск интереса к людям, живущим в арбатских переулках, писали об имеющихся у них дореволюционных корнях. То ли речь шла о московской аристократии, то ли, наоборот, об службе этой самой аристократии (именно на Арбате жили обслуживающие элиту портные, сапожники, кондитеры и проч.). Но если в арбатскую субкультуру и влились струйки очень старых традиционных российских групп населения, то они, конечно, играли в ней сугубо второстепенную роль. Основная часть жителей Арбата укоренилась там в советское время.

Кунцевская субкультура была основана, как уже говорилось выше, на полуграмотных выходцах с периферии – «красных выдвиненцах». Потом они, правда, могли достигать определенных кондиций и переходить в разряд представителей арбатской субкультуры. В том, что в сталинско-брежневские времена была постоянная потребность в притоке этих кадров с периферии, был свой сокровенный смысл. Охлократы, стоящие на вершине пирамиды власти, чувствовали, что легко становятся игрушками в руках изоэтранных представителей московской элиты, и лишь мощный противовес в виде все новых генераций периферийных выдвиненцев позволял сохранять стабильность. Столь же закономерным было перемещение работников центрального партийного аппарата из Москвы на периферию: на повышение или, наоборот, на понижение. Ротация кадров была одной из важных сторон функционирования системы.

Такого рода номенклатурный отбор является, по-видимому, одним из основных принципов функционирования тоталитарной власти вообще. Но, как бы то ни было, именно люди кунцевского типа по своим психологическим особенностям и привычкам повседневной жизни являлись представительными (репрезентативными) по отношению ко всему слою руководящих работников огромной страны, большинство из которых было сосредоточено, естественно, не в Москве, а на местах, в областных центрах и столицах союзных автономий. Поддержание такого баланса было возможно только при условии максимальной концентрации власти в ЦК КПСС и наличии жестокого карательного аппарата. Крушение коммунистического режима привело, кроме всего прочего, к нарушению баланса между властью в столице и на периферии.

Если представители московской кунцевской субкультуры были почти такими же, как и номенклатурщики с периферии, то люди арбатского типа были в масштабах страны более уникальными. Аналогичный довольно представительный слой такого населения имелся лишь в Петербурге. Совсем небольшие сходные группы составляли часть населения Киева, Новосибирска, Ростова, Риги, Екатеринбургa, Одессы и некоторых других крупных городов страны. Между представителями аналогичных субкультур этих городов поддерживались родственные и дружеские связи. Пока существовал СССР, представители арбатской субкультуры довольно легко, по сравнению с другими жителями, перемещались в пределах вышеуказанного перечня населенных пунктов.

Термин «арбатская субкультура» является, конечно, условным, еще и потому, что люди с такими же культурными ценностями и традициями живут не только на Арбате, но и во многих других районах Москвы, предпочитая все же селиться поближе к центру Москвы. Жить в центре, где разместились их удачливые родственники и друзья, в этой группе населения всегда считалось особо престижным.

Точно так же необязательным для людей кунцевского типа было жить именно в районе Кунцево. В Москве существует более сотни так называемых элитных домов брежневско-горбачевских времен постройки. Расположены они либо в центре (многие даже в пределах Садового кольца), либо в более отдаленных местах, в основном в западных районах столицы (как и «Царское село» в Кунцево). Роза ветров, экологическая, да и социальная обстановка делают эти районы города наиболее благоприятными для проживания. Нынешние власти и «новые русские» также предпочитают селиться на западе Москвы.

Касаясь *этнической принадлежности* каждой из трех субкультур – арбатской, кунцевской и пролетарской, – надо сразу сказать, что ни одна из них никогда не состояла из представителей только одной какой-либо нации, но определенные различия такого рода несомненно существовали. Во-первых, этнический состав представителей кунцевской субкультуры был более однородным, чем этнический состав лиц, относящихся к арбатской и пролетарской субкультурам.

Это было заметно даже по внешнему виду людей из Кунцево, принадлежащих, как правило, к славянскому типу. Ни для кого не является секретом, что в соответствии с проводившимся в течение ряда десятилетий партийным номенклатурным отбором предпочтение при назначении на начальственную должность отдавалось представителям именно славянских национальностей.

В горбачевско-брежневские времена, исходя из принципа землячества и кумовства, на номенклатурные должности выдвигались жители славянского происхождения юго-запада СССР. Вот почему речь большого начальника обязательно отличалась фрикативным (мягким) «г» и всеми другими особенностями юго-западного диалекта. Если ты попал в те времена в номенклатурную обойму, изволь говорить именно таким образом, будь ты выходец из Петербурга, Калуги или Рязани. Впрочем, эта тема уже достаточно обыграна юмористами 80-х годов.

Поскольку люди с Арбата такой селекции не подвергались, они были гораздо более разнообразны по своему генотипу. Среди них были представители наиболее социально активных (по меркам, разумеется, бывшего СССР) этносов: русские, украинцы, евреи, татары, армяне, греки, грузины, латыши и пр. Речь не шла о каких-либо замкнутых национально-религиозных общинах. Социальные катаклизмы первых десятилетий советской власти жестоко перемешали представителей разных национальностей. Преобладали смешанные браки.

Это не исключало наличия отдельных групп, в которых концентрация лиц одной из перечисленных национальностей была больше, чем в среднем по всему слою представителей арбатской субкультуры. Но эти группы выглядели объединенными скорее не по национальному признаку, а по принципу дружеских связей, общих профессиональных или общественных интересов. Принадлежность к такой группе несомненно давала определенные преимущества с точки зрения адаптации в Москве, которая, как известно, не верит ничьим слезам. Советская власть, когда была сильна, сурово, хотя и безуспешно боролась с социальными группами такого типа, которые она не могла жестко контролировать. Поэтому сообщества представителей арбатской субкультуры часто прикрывались внешне какими-либо легальными, с точки зрения идеологии, вывесками типа обществ путешественников, знатоков искусства или литературы, автолюбителей.

Этнический состав представителей пролетарской субкультуры также был достаточно разнообразным. В Москву в поисках счастья ехали очень многие люди с разных концов СССР. Имеются в виду постоянные жители Москвы, приехавшие в течение нескольких десятилетий,

а не те наводнившие в последние годы столицу жители Кавказа, Закавказья или Средней Азии, а теперь уже и всех республик бывшего СССР, временно («вахтовым методом») приезжающие в Москву.

Глава II

Внутриличностные психологические особенности представителей московских субкультур

Переходя к описанию психологии⁴ представителей московских субкультур, следует отметить, что их психологические характеристики могут быть подразделены на те, которые обращены внутрь личности (внутриличностные), и те, которые обращены во внешний мир. Это деление во многом условно, так как от внутриличностных характеристик зависит поведение человека во внешней среде, а влияние окружающего мира глубоко сказывается, в свою очередь, на внутриличностных психологических свойствах человека. Тем не менее, такое разделение помогает понять ряд важных закономерностей, определяющих, в частности, различия между представителями московских субкультур. В данной главе речь пойдет о внутриличностных психологических особенностях.

Но прежде чем говорить о психологических различиях, существующих между представителями московских субкультур, следует сказать о *психологии россиянина вообще*.

В последние десятилетия мы с прискорбием замечаем нарастающую деградацию рядового гражданина нашей страны.

Это проявляется в первую очередь в морально-этической сфере: пренебрежении обязанностями в семье и на производстве, утрате позитивных интересов и увлечений, безделье, пьянстве, вандализме, воровстве, склонности к другим криминальным поступкам. Параллельно со снижением морально-этических норм падали и экономические показатели функционирования государства. Неблагоприятные тенденции стали особенно отчетливо проявляться в конце 70-х – начале 80-х годов.

Советская верхушка вела по отношению к угрожающим признакам деградации общества траусиную политику. Представители власти не только скрывали неблагоприятные статистические показатели и другие данные о неблагополучии в обществе, но и сами делали вид, что ничего не происходит. Лишь некоторые правители, сохранившие, хотя бы частично, здравый смысл, такие как А. Косыгин или Ю. Андропов, почувствовав угрозу в первую очередь для самой власти, пытались что-то сделать: призывали своих функционеров к моральному «очищению», активизировали пропаганду, боролись за дисциплину, старались ограничить трудящихся в употреблении алкоголя. Но в целом закосневшая в невежестве и эгоизме советская верхушка была не способна адекватно отреагировать на неблагоприятные тенденции.

Заслуга в том, что общество узнало о происходящем в стране (как в городе, так и на селе), принадлежала А. Солженицыну, А. Сахарову, А. Зиновьеву, В. Максимова, Ю. Даниэлю, А. Синявскому, В. Буковскому, В. Распутину, В. Кожинову, С. Говорухину и многим другим общественным деятелям.

Более того, ими было показано, что главной причиной такого положения дел в обществе является коммунистическая система либо вообще, либо в том виде, в каком она существовала в 70–80-е годы. Естественно, что характер отрицательного действия системы этими людьми трактовался по-разному.

Одни ведущее значение придавали подорванной большевиками вере в Бога и разрушенному национальному самосознанию, вторые – репрессиям против определенных групп населения и отдельных лиц, не вписывающихся в систему, третьи – неприятию западных демократических ценностей и дорогостоящим попыткам «экспорта коммунизма» в страны «третьего

⁴ Речь пойдет об обыденном эмпирическом описании психологии человека, а не о результатах применения научных, строго объективизированных методик.

мира». Не случайно пути антикоммунистов после изменения системы в России резко разошлись, и многие из них стали идеологическими противниками.

В то же время всеми этими общественными деятелями, независимо от особенностей идеологий, которых они придерживались, в качестве главного условия оздоровления общества признавалась необходимость ликвидации коммунистической системы и ее оплота – КПСС. Это и произошло в конце 80-х годов. Ожидалось, что после падения коммунизма россиянин окрепнет, оживет, займется настоящим делом, сможет сосредоточиться на своих насущных интересах, приобщится к гуманитарным ценностям, освободится от сковывающих его пороков и предрассудков.

Однако этого, к сожалению, не произошло. В результате проведенных либеральных реформ большинство россиян стали еще более озлобленными, агрессивными, пессимистически оценивающими будущее. Продолжает снижаться потребность в общественно-полезном труде, сворачивается деятельность промышленных предприятий, падает сельскохозяйственное производство. Мало того, все более отчетливо проявляются биологические признаки вырождения россиян: сокращение продолжительности жизни, падение рождаемости, возрастание смертности, рост распространенности основных заболеваний, утяжеление медицинских последствий злоупотребления алкоголем (а в последние годы и наркотиками).

В период разочарования первыми результатами либерального реформирования в 1992–1993 гг. внимание общественности сосредоточилось на поисках причин столь неблагоприятного хода событий. Наряду с внешними причинами стали активно обсуждаться и внутренние, обусловленные индивидуальными особенностями психологии и социального поведения россиян и, вообще, влиянием «человеческого фактора» (технократический термин, введенный для внутреннего пользования еще Ю. Андроповым).

Уязвленные неуспехом реформирования, общественные деятели либерального направления начали высказывать крайне пессимистические взгляды на природные способности и возможности россиян (стали заниматься мазохизмом – выражение, которое, по-видимому, первым использовал в своих выступлениях А. Яковлев). Была масса публикаций такого рода, в которых запомнились имена Л. Аннинского, Г. Старовойтовой, П. Бунича, А. Кончаловского, В. Ерофеева, Т. Толстой, Ал. Иванова. В оборот вошли термины «совок», «национальная ментальность», «мифологизированное сознание» и пр.

Наиболее характерными чертами личности россиянина⁵ объявлялись: неаккуратность, расхлябанность, пассивность, беспомощность, надежда на чудо, нежелание придерживаться установленных «правил игры», неуважение к законам и к власти (даже нашей, демократической!).

В. Новодворская, В. Горенштейн, И. Мартынов, М. Липицкий, Ю. Мамин и другие сурово настроенные критики полагали, что все эти качества, а также склонность к лени, воровству, пьянству, безрассудству имеют глубокие корни в русском национальном характере. Такое утверждение было проиллюстрировано некоторыми из них с помощью анализа героев народного фольклора (Иванушки-дурачка, Емели и др.), а также описаний нравов россиян, сделанных английскими и французскими путешественниками во время посещения ими России в царские времена.

Явный перефраз в отрицательной оценке русского характера вызвал бурную негативную реакцию со стороны патриотически настроенных общественных деятелей. Можно отметить, например, высказывания А. Солженицына и В. Лакшина, пользующихся уважением представителей разных лагерей. Они не отрицали слабых сторон национального характера, но счи-

⁵ Речь идет об особенностях не только этнических русских, но и вообще россиян. Как известно, у выезжающих на постоянное жительство в западные страны российских евреев, немцев, армян, греков и представителей иных национальностей в новой для них среде обнаруживаются сходные специфические черты психологии и социального поведения.

тали их продолжением, обратной стороной достоинств. Так, пассивность и надежда на чудо являлись продолжением уживчивости и долготерпения российского человека. На одной стороне медали были неверие в свои силы, неумение отстаивать собственные интересы, на другой – сострадательность и великодушие. Импульсивность, склонность к крайностям и недостаточная системность в действиях соседствуют с готовностью к подвигу, жертвенностью и способностью мобилизоваться в трудный момент.

А. Солженицын и В. Лакшин выбрали наиболее верную, деликатную форму обсуждения качеств национального характера. Их тактика сходна с тактикой опытного психотерапевта, перед которым стоит проблема скорректировать поведение пациента. Допустим, пациент склонен к вспышкам гнева и раздражения. В общении с ним психотерапевт никогда не говорит в прямолинейной форме что-либо подобное: «Вы неправильно себя ведете, и ваши поступки отравляют жизнь вашим близким и коллегам. Поэтому вам нужно изменить свое поведение». Психотерапевт вначале оценит позитивные стороны личности пациента, обратит внимание на его активность и настойчивость, успехи на работе, заботу о близких, умение отстаивать свои интересы и лишь потом скажет фразу, значимую с точки зрения психотерапии. Это звучать будет примерно так: «Среди особенностей вашего характера есть такие качества, как некоторая горячность и излишняя эмоциональность. Руководствуясь благими целями, вы доставляете иногда неприятности людям, которые любят вас. В конечном итоге вы наносите вред и самому себе тоже. Поэтому давайте попробуем научиться лучше контролировать свои чувства и поступки».

Следует отметить, что попытки использовать характеристики национальных психологических особенностей и социального поведения в целях сравнения различных народностей, их деления на хорошие и плохие, гуманные и негуманные, развитые и развивающиеся, перспективные и неперспективные воспринимаются обычно очень болезненно представителями тех наций, которые оказались в результате такой оценки в менее выигрышном положении.

Особенностью России традиционно является наличие интеллигенции – особой рефлексивной части общества, взявшей на себя обязанности по оценке соответствия или несоответствия остальных представителей своей нации современным стандартам гуманизма и прогресса. Поскольку интересы интеллигенции и остальной части общества не всегда совпадают, оценочные суждения представителей интеллигенции часто вызывают острую негативную реакцию в обществе.

Вообще, критерии, на которых строится изучение национальных особенностей характера, очень нечетки, субъективны и легко могут быть оспорены. В рамках одной национальности существует такое большое разнообразие особенностей психологии и социального поведения людей, живущих, например, в разных регионах, что вычлнить какие-либо общие, универсальные характеристики бывает очень трудно. Этим объясняется отсутствие особых успехов в попытках объективизации методов изучения национальных особенностей психики и социального поведения в рамках таких научных дисциплин, как этнопсихология, этнопсихиатрия, социология и пр. Поэтому пока эмпирическое описание остается главным методом в изучении данной проблемы.

Возвращаясь к теме внутриличностных психологических особенностей москвичей, а не россиян вообще, следует отметить, что между представителями московских субкультур имеются значительные различия. Наиболее заметными эти различия становятся тогда, когда рассматриваются личностные свойства индивидуума, расположенные по оси «эмоциональный – рациональный». Не менее интересные наблюдения могут быть получены при разделении людей на эмоционально живых и апатичных. По-разному у представителей московских субкультур проявляются свойства рационального мышления, стоящего на другом полюсе указанной оси. Наконец могут обнаруживаться очень заметные особенности в степени развития самосознания.

Говоря об оси «эмоциональный – рациональный», следует вначале дать определение, что понимается под каждым из этих двух психологических качеств. Эмоциональный человек совершает поступки под влиянием нахлынувших на него в конкретный момент чувств – отрицательных или положительных. Этап обдумывания последствий своего поступка, взвешивания всех «за» и «против» обычно отсутствует. Поведение же рационального человека диктуется разумом, рассудком, здравым смыслом. Перед совершением того или иного поступка он взвесит «за» и «против», просчитает варианты возникновения последствий поступка.

При общении с людьми у эмоционального человека на первом месте чувства, которые вызывает у него тот или иной знакомый. Если последний ему неприятен, задевает самолюбие, высказывает иную точку зрения, эмоциональный человек, скорее всего, прекратит с ним общение. В лучшем случае он это сделает без явного конфликта, в худшем – с конфликтом. Рациональный человек строит свои взаимоотношения с окружающими людьми, исходя из деловых соображений, а не только из личных симпатий и антипатий. Если кто-либо из знакомых для него не слишком приятен, но зато полезен в деловой сфере, он никогда не прервет с ним отношений.

Справедливо считается, что западная культура, основанная на прагматизме, формирует рационального, а не эмоционального человека. Субъект, недостаточно контролирующий свои эмоции, выглядит в западном обществе белой вороной. Ему приходится мучительно приспосабливаться к социальной среде. Тема драматического конфликта нонконформиста, «естественного человека», со средой вплетается в сюжеты многих западных романов и фильмов. Сидя перед телевизором во время просмотра «Санты-Барбары» или другого американского сериала, обратите внимание, как карикатурно долго влюбленные персонажи выясняют, подходят ли они друг другу по своим привычкам и пристрастиям. Это типичный образец рационального подхода даже к интимной стороне человеческих взаимоотношений.

Рационализм представителя западной культуры во многом объясняется глубоко заложенным в нем умением контролировать свои эмоции (термин «контролировать», кстати, – один из наиболее любимых в лексиконе западной манеры поведения настоящего американца (вспомните романы Ивлиной Во). По западным стандартам необходимо демонстрировать положительные эмоции, даже если их не испытываешь, и, наоборот, маскировать отрицательные эмоции.

Умение владеть своими эмоциями в условиях современного общества дает человеку неоспоримые преимущества. Благодаря навыкам рационального общения приглушаются семейные конфликты, облегчаются повседневные контакты, расширяются возможности делового сотрудничества. Из представителей московских субкультур навыками контроля над своими эмоциями в наибольшей степени овладели люди арбатского типа как наиболее европеизированные. Поэтому их часто считают хитрыми и скрытными. Представители пролетарской субкультуры являются в этом отношении антиподами.

Они откровенны, прямолинейны, непосредственны, простодушны. Люди из Кунцево занимают промежуточное положение.

Говоря о психологических различиях между целыми группами населения, необходимо, однако, отметить следующее: не существует какого-либо универсального усредненного представителя той или иной субкультуры. Среди ее носителей могут обнаружиться столь большие индивидуальные различия, что сравнение между представителями разных субкультур становится вообще невозможным. Как известно, при воспитании даже в одной семье у каждого ребенка формируются свои индивидуальные особенности характера. Например, один из детей оказывается чрезмерно эмоциональным, другой, наоборот, – слишком рационалистичным.

Все это верно, но длительное существование человека в определенной культурной среде вынуждает его видоизменять свой характер и свое поведение, вырабатывать у себя одни личностные особенности и скрывать, затушевывать другие. Человек анализирует свои поступки и при этом одни из них признает правильными, достойными повторения, другие, наоборот,

неправильными, такими, от которых в дальнейшем нужно отказаться. Все это формирует личность представителя той или иной субкультуры в соответствии с определенными требованиями окружающей его социальной среды.

Хотя существует теория о том, что человек, подавляя свои естественные чувства, расплачивается за это накоплением в глубине души тревоги и других отрицательных эмоций, вся же цивилизация, хотим мы того или нет, движется по пути культивирования у людей рациональных, контролируемых форм поведения, а не эмоциональных, импульсивных. То, что россияне, по сравнению с западными жителями, тратят в своей повседневной жизни больше эмоций (судя, по крайней мере, по внешним проявлениям), не вызывает, по-видимому, ни у кого сомнений. Это стало особенно характерным в последнее десятилетие нашего существования. Преобладают, к сожалению, эмоции отрицательного характера: ненависть, злоба, обида, зависть, нетерпимость и пр.

Следует, однако, заметить, что до 1985 г. эти эмоции были скрыты, подавлены. В. Солоухин писал, что при коммунистическом режиме люди из-за страха, загнанного куда-то в глубины подсознания, были как бы замороженными, в том числе и в эмоциональном отношении. Процесс оттаивания оказался крайне болезненным, чреватым различными осложнениями.

Накал эмоций к 1991–1993 гг. превысил все допустимые нормы и пределы.

В психиатрии есть термин «анестезия долороза», то есть в переводе с латинского – болезненное бесчувствие. Суть этого феномена состоит в том, что на высоте тяжелой депрессии с острейшими отрицательными эмоциями возникает ощущение отсутствия чувств, неспособности радоваться и огорчаться, сопереживать другим людям, даже близким. Нечто подобное происходило 3–4 октября 1993 г., когда сотни москвичей воочию и тысячи на экранах телевизоров наблюдали расстрел Белого дома. Эта акция не вызвала у большинства горожан адекватной гражданской оценки происходящих событий. Большинство москвичей (здесь не говорится о явных сторонниках и противниках расстрела), испытывающих острое разочарование от политики вообще и поведения бывших своих кумиров в частности, не ощутили в этот момент ничего, кроме апатии. Не было даже наиболее естественного в такой ситуации стыда за поведение политической верхушки. А многие москвичи, сидевшие на парапетах набережной, вообще с патологическим интересом наблюдали за бойней.

Переходя к оценке эмоциональной сферы представителей различных московских субкультур, следует отметить, что навыки рационального поведения легче всего освоили, естественно, люди арбатского типа, для которых западная культура всегда была более желанна и доступна, чем для представителей других субкультур. Именно выходцы с Арбата прочитали первыми все многочисленные книги и брошюры, посвященные деловому общению, рациональному решению семейных проблем, целенаправленной тренировке тех или иных навыков и умений. Рассудочное поведение давало человеку дополнительные возможности и преимущества в различных жизненных коллизиях.

Два-три десятка лет назад на Западе и у нас среди просвещенной интеллигенции были очень популярны технократические (бихевиористские, кибернетические) модели, используемые при попытках понять поведение человека. Эти модели отнюдь не предполагали, что душу, психику человека можно изучить досконально (проникнуть в своего рода «черный ящик»). Но можно было многого достичь с помощью чисто прагматического подхода, изучив соотношение между стимулами при входе в «черный ящик» и реакциями на выходе из него. Бихевиоризм оказался очень полезен с точки зрения выработки методик коррекции поведения человека или его обучения тем или иным навыкам. Позднее, правда, обнаружилось, что бихевиористский подход не позволяет решать сколько-нибудь сложные задачи влияния на личность и поведение человека. Бихевиористские приемы воздействия на человека были дополнены так называемыми гуманистическими методами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.